

Тунеядцу воздается должное

О самом Иосифе Бродском говорить уже поздно. В клубе 15-го ремонтно-монтажного управления, расположенном в бывшем Дзержинского района, состоялся суд над этим знаменитым тунеядцем, и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1987 года принято постановление о высылке тунеядца Ленинграда в специально отведенные места с обязательным привлечением к труду сроком на пять лет.

К такому решению народный суд пришел после очень тщательного изучения всех имеющихся в деле документов, после внимательного заслушивания сторон.

Появился бы паразитический элемент и антиобщественное поведение Бродского, о котором известно много баснословных историй. В перерыве, окруженный юношами и девушками, которые с гневом говорили об антиобщественной деятельности Бродского, оторвался целиком его гневный тироксис, позлосса М. Грудинина убрала его рукописями. Там же лежала стопка журналов, каждому поэт и писателю, каждому человеку известна личность, имени было чин, безусловно ридеминировать проповедания пошлости и безнравственности.

64г. „Смена“

СЕЙЧАС Иосифа Бродского знают у нас в стране все, кто хоть немного связан с поэзией.

Евгений РЕЙН:

СЕЙЧАС Иосифа Бродского знают у нас в стране все, кто хоть немного связан с поэзией. Одновременно и удивительно, и закономерно то, что он стал широко известен в СССР задолго до появления его произведений в периодической печати и издания его книг. Еще до того, как он получил Нобелевскую премию, я встречался с десятками молодых поэтов, и почти у каждого видел стихи Бродского. Когда-то в Ленинграде, в нашем поэтическом кругу, это было понятно: он был самым известным из нас и любимым поэтом интеллигенции, хотя и здесь смешивались различные обстоятельства — одни считали его замечательным поэтом, другие перепечатывали его стихи, полагая, что он глава некоей диссидентской партии. После отъезда Бродского полоса его влияния расширялась, и, приехав в Москву, я везде находил в литературных кругах его произведения. Я уверен, что машинописный тираж стихов Бродского значительно превосходит тираж средней типографской книжки. Кроме этого, поэзия Бродского многократно издавалась за рубежом, и все, кто выбирался на Запад, привозили минимум одну-две книжки. С какой-то поры и советские журналы начали печатать огромными порциями его стихи, и, я думаю, нет очевидной «нехватки» Бродского (другое дело, что очень нужны хорошие составленные его книги), как нет недостатка и в его влиянии на молодых поэтов. В свое время я видел в Ленинграде множество молодых людей, которые, попав под жесткое влияние Бродского, бросили свои ямбы и хореи и стали писать «тактовиками», усвоили длинные переносы фразы из одной строчки в другую, излюбленную стилистику Бродского, когда смысловая часть текста и очень реалистична, и психологична, и вместе с тем до такой степени затуманена, что добраться до четкого ее фокусирования достаточно трудно.

штам в письме к Тьяннову) складывается на современную поэзию и, сливаясь с ней, чрезвычайно ее обогащает, — буквальное подражание Бродскому беспечно и художественно бесперспективно. Лучше сочинять ямбы и хореи, пытаться найти что-то затерянное в океане классической поэзии.

В силу обстоятельств имя Бродского часто связывают с политической поэзией (особенно люди, довольно далекие от литературы), и это одно из тех заблуждений, которое я хотел бы решительно опровергнуть. Бродский был сыном своего времени, но никогда не был политическим поэтом, более того, когда он, в шутку или всерьез, писал политические стихи, он их уничтожал. В его больших вещах типа «Речи о пролитом молоке» есть политические моменты, но поэтика этих стихотворений — бесконечный монолог, так сказать, «гейзер болтовни», и, поскольку мы все были связаны с политическими суждениями, анекдотами и т. д., здесь попадались и политические штрихи, что говорит только об аутентичности поэзии Бродского его жизни. Ведь он, как всякий большой поэт, вводит натуральные, почти бытовые эпизоды в стилистическую ткань своих стихов. Если он в обыкновенной беседе иногда проговаривал какие-то политические фразы (причем, скорее историософские, которые затем превратились в его эссе из книги «Меньше, чем единица»), то с этой точки зрения я еще могу понять утверждение, что Бродский — политический поэт, но никак иначе.

На самом деле Бродский, подобно любому значительному поэту, является поэтом-мыслителем, причем очень оригиналь-

Однако в поэзии имеет место странная особенность, проявлявшаяся во все времена. Существуют поэты, которым можно подражать (например, Цветаева, Ходасевич), создавая значительные стихи, и поэты — Блок, Ахматова, — чьи подражатели способны написать только пошлость и плоскость. И со стихами Бродского ситуация складывается точно такая же: его поэзия тесно связана с его личными, почти физическими, биологическими качествами, что встречается не у всех поэтов. И хотя поэзия Бродского (как сказал Мандель-

Плакат художников М. Беломлинского и С. Захарьянца.

Поэт о поэте

ным мыслителем. Дело в том, что наше пространство культуры так заполнено, что, в какую точку ни ткнешь, обязательно столкнешься с каким-нибудь известным именем или учением. И Бродский придумал нечто вроде противоядия против этой ситуации. Если взять его эссе из книги «Меньше, чем единица» и его интервью, то обнаружишь необыкновенные догадки, построения, экстравагантности, некоторые из которых просто поражают своей нетрадиционностью. Любимый человек с традиционной культурной подготовкой идет по выработанному человечеством руслу, и его гордость состоит в том, что он повторяет самые последние достижения культуры. Бродский же, подходя к той или иной теме (при всей его образованности), избегает читать то, что является наиболее близким и оперативным для данной темы. Он пытается собственным интеллектуальным усилием постичь то, что пытались понять десятки поколений до него. При этом он почти всегда выдает какое-то оригинальное, часто забавное, а

ло еще известно, даже не «авангард», а туман, из которого что-то может прорезаться. Сама возможность, что из этого может что-то получиться, ему любопытна. Эмигрантская литература, помоему, кроме произведений двух-трех друзей, его интересует меньше. Он очень хороший друг (причем это важный момент в понимании личности Бродского, и на нем хотелось бы остановиться подробнее). Дело не в том, что ему нравятся какие-то люди, с которыми он прошел долгие годы, и уж тем более речь не о том, чтобы помочь «моему домашнему человечку» (как раз в таких ситуациях он, несмотря на всю свою мягкость, чаще всего идет на то, чтобы отказать), а в том, что ему искренне нравится то, что делают его друзья, которых совершенно мизерное количество, может быть, три-четыре человека в мире, но на них, по убеждению Бродского, как на нескольких китах, стоит литература.

Несмотря на то, что сейчас Бродский достаточно далек от нашей литературной проблематики, его заслуги перед современной русской поэзией колоссальны. Главным образом потому, что он последний реальный новатор, чьи достижения не сводятся к логической и словесной деформации, а потому, что он является поэтом, который ввел огромные новые материи понятий, культур в русскую поэзию,

Мне кажется, что путь читателя к поэзии Бродского едва ли будет однозначно прост. Я вполне допускаю, что какому-то количеству людей поэзия Бродского не придется по нраву и они будут разочарованы, получив том его произведений. Пока они знают несколько самых знаменитых пластических его стихотворений, его афоризмы, пока мелькают разговоры о процессе, о высылке, о Нобелевской премии — это одно, но оказаться один на один с серым тяжелым томом на плохой бумаге — это гораздо более трудное испытание. Так что я полагаю, что читатель той книги Бродского, что выйдет в издательстве «Художественная литература», должен быть в первую очередь терпелив и понять, что поэзия не заключена в ямбо-хорических кирпичиках, понять, что гладкость и напевность не единственный путь, что она требует иногда почти физического усилия. Бродский — это поэт зрения в большей степени, чем кто-нибудь еще; его зрительный аппарат необыкновенно изощрен, поэтому необходимо не проглатывать несущественные детали, а именно из них построить тот громадный мир зрения, который является внешней картиной, рисунком Бродского, и от которого можно переходить к смыслу. Кроме того, сложность восприятия поэзии Бродского еще и в том, что он, прибегнув к более

„Бродский — последний реальный новатор...“

часто и парадоксальное решение, например, как в эссе о Византии или о тирании. Ему известно общее поле философии, главные идеи и учения, но он неизменно пытается как бы забежать со стороны, увидеть все своими глазами и сказать что-то свое.

Так что Бродский никогда не был политическим поэтом, но, являясь поэтом-мыслителем, поэтом-новатором, он не мог вписаться в царящую тогда общественную систему. Поэт оказался в эмиграции и живет там довольно странной жизнью. Первое время он жил в городе Ан-Арбор, где находится издательство «Ардис», и был там практически один, без русских товарищей. Он преподавал в университетах и, кажется, с 1980 года живет в Нью-Йорке. Преподает в колледже в штате Массачусетс и является в некотором роде признанным главой довольно широкого эмигрантского круга. Однако нельзя сказать, что в его окружении много поэтов. С ним как-то связаны Лев Лосев, Марина Темкина, такие прозаики, как Сергей Довлатов, Юз Алешковский, но это ведь далеко не вся творческая эмиграция. Скорее наоборот, есть там люди, которые как-то сторонятся Бродского, потому что понимают, что его влияние и положение слишком велики, и не так просто иметь с этим дело. Однако главное здесь, как мне кажется, все же в том, что Бродский давно психологически вышел из русской эмиграции. Он, безусловно, американский литератор, который очень хорошо знает английский язык, свободно пишет предисловие к любой английской книге, и, я думаю, американская литература его интересует не меньше, чем русская. Может, как это ни смешно, его интересуют и какие-то гипотетические советские вещи, что-то, что начинается здесь бурлить, о чем ма-

что он создатель некоей новой гармонии, которая все более прививается в русской поэзии. При этом ничего чрезвычайно экстравагантного Бродский в свою поэзию не вложил. Он не обратился к наследию, скажем, поэтов 17 — 18 вв., не сделал никакого сногшибательного прыжка в будущее (что можно утверждать только предположительно, несмотря на иные темпераментные мнения). Бродский — наследник русской поэзии начала века (Цветаева, обэриуты), в каком-то этическом, личном смысле он тесно связан с Ахматовой. Кроме этого, с Бродским в молодости произошла интересная история. Будучи очень наблюдательным, чутким к разнообразным структурам, он обратил внимание, что русская поэзия в течение полутора лет была связана с французской и латинской поэзией и весьма холодно относилась к замечательной англо-американской поэзии. И Бродский решил, условно говоря, привить ветвь американской и английской поэзии к русскому стволу. Пример другого отношения, другого тонуса, темперамента, пример вовлечения в поэтическую ткань гораздо более обширного круга сведений из самых разнообразных источников, безусловно, обогатил как поэзию Бродского, так и русскую словесность в целом.

изощренным построениям, более сложным композиционным структурам, создал новую поэтическую музыкальность. Более глая, гораздо менее бойкая, чем расхожий напев, иногда почти исчезающая, она, тем не менее, всегда присутствует в поэзии Бродского, чьи стихи являются как бы отголосками одной большой музыки мироздания.

Как понимать словесную, философскую ткань поэзии Бродского, в беглой беседе сказать довольно трудно, но, думаю, что ее в первую очередь надо понимать буквально. Как говорила Ахматова, «никаких вторых, третьих, четвертых смыслов в моей поэме нет». Так и стихотворения Бродского — это не сундук со вторым или третьим дном. Необходимо просто подумывать над тем, что сказано, но вместе с тем не ждать какого-то точного рационального ответа, а понимать, что это стихи, то есть условный произвол поэта, который хочет из сочетаний слов вывести какой-то единый смысл, какую-то догадку, предпосылку некоего намека свыше. Но для этого необходима особая сосредоточенность усилий, при условии которой поэзия Бродского достойно отблагодарит читателя.

Записал Андрей БЕЛИКОВ.

◆ «Книга — почтой» предлагает
С маркой ВЗПИ
 Издательство Всесоюзного заочного политехнического института выпустило книги:
 Авдокушин Е. Ф. Экономическая реформа в КНР. — М., 1989. 1 р. 50 к. (10 000 экз.).
 Губарев В. В., Иванов Л. Н. Технические средства и системы информатики. — М., 1989. 1 р. 10 к. (5 000 экз.).
 Заказы направляйте по адресу: 129805, г. Москва, ул. Павла Корчагина, д. 22, корп. 2. Издательство ВЗПИ.